

GENNADIJ ZELDOWICZ

Uniwersytet Warszawski

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4437-2802>

ВЗАИМООТРАЖЕННОСТЬ СМЫСЛОВ И ДИСКУРСИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Друг друга отражают зеркала...¹

Он записал, что в тех случаях, когда два человека видят друг друга во сне и когда сон одного создает явь другого, всегда и с одной и с другой стороны немного сна просачивается наружу. Из этого излишка образуются «дети сна». Иными словами, продолжительность сна короче, чем явь того, что снится, правда, сон всегда несравненно глубже любой яви, и поэтому обязательно в любом случае остается немного отходов, «остатков материала», которые не входят в явь того, что снилось, а переливаются через край и приклеиваются к яви какого-нибудь третьего лица, сталкивающегося из-за этого с большими неприятностями и неожиданностями².

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Известно, сколь огромная структурная и смысловая роль принадлежит в художественной литературе разного рода повторам и взаимоотражениям. В нарративном тексте это, в первую очередь, многократное повторение определенных мотивов, сюжетно-композиционных ходов и двойничество персонажей. Что

¹ Г.В. Иванов, *Собрание сочинений в 3-х томах*, т. 1, Согласие, Москва 1994, с. 321.

² М. Павич, *Звездная мантия*, Азбука-классика, Санкт-Петербург 2003, с. 79.

касается текстов поэтических, то для них, очевидным образом, взаимоотраженность тех или иных элементов (синтаксический параллелизм, рифма, эквиритмия между отдельными строками, эквилинеарность строф и проч.) не просто важна, но как правило является конституирующим фактором, при отсутствии которого соответствующий дискурс в принципе не мог бы состояться.

С другой стороны, рассуждая о том, сколь существенны для художественного текста повторы, нельзя забывать, что отдельные части последнего обладают обычно неравным когнитивным рангом и оттого роль повторов в тех или иных его фрагментах тоже, по крайней мере теоретически, способна оказаться неодинаково значительной.

Вспомним, что в прототипическом художественном дискурсе достаточно четко выделяются первый и второй планы, а в пределах каждого из них — часто еще и подпланы более тонкие.

Так, в нарративном тексте первый план почти всюду (кроме так называемой орнаментальной прозы, сосредоточенной не столько на развитии действия, сколько на сопутствующих обстоятельствах) формирует главная сюжетная линия, типичными признаками которой являются перфективность глаголов, их теличность или моментальность, их переходность, референциальная определенность актантов, утвердительность и реальная модальность предложений и др., — а описаниям, портретам персонажей, мотивировкам, экскурсам в прошлое и будущее и т.п. отводится план второй, для которого перечисленные приметы уже определенно не характерны³. Относящиеся к первому плану события далее могут разделяться на, так сказать, просто важные и особенно важные (не обязательно, но во многих случаях вторые связаны с кульминацией повествования), причем разделение это также получает вполне конкретные лингвистические манифестации: скажем, нередко о «просто важном» сообщают глаголы в прошедшем времени и — в языках, где есть вид, — совершенного вида, а о событиях исключительной значимости, событиях переломных — глаголы в настоящем историческом.

³ См., среди огромной литературы: P. Hopper, S. Thompson, *Transitivity in grammar and discourse*, «Language» 1980, №2, с. 251–299; P. Hopper, S. Thompson (ред.), *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics*. Vol. 15, Academic Press, New York, etc. 1982; S. Fleischman, *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*, University of Texas Press, Austin 1990.

Содержание второго плана нюансировать, видимо, сложнее, однако и такая возможность несомненно существует; ср., например, ситуацию, когда приуроченное к прошлому описание природы дается частично в прошедшем времени (в таком случае, если в данном языке у глагола есть вид, он окажется всюду или почти всюду несовершенным), а частично — в настоящем историческом; понятно, что именно фрагменты второго типа будут восприниматься как в том ином смысле более важные, вероятно, более тесно связанные с главным повествованием⁴.

Существенно иначе устроена внутренняя иерархия лирического дискурса. Как было показано в свое время Тамарой Сильман, жанрообразующая особенность лирики заключается в том, что лирический герой сначала переживает определенный опыт, а затем, отталкиваясь от него, приходит к открытию некоей важной, всеобщей или достаточно общей истины или/и к серьезному изменению своих взаимоотношений с миром либо с собой самим (соответствующий фрагмент далее именуется *фокусом*)⁵.

Разумеется, те части лирического текста, которые связаны с переживанием опыта, выполняют служебную по отношению к названному открытию роль и соотносятся с фрагментом, где оно совершается, как второй дискурсивный план с первым. Несомненно также, что этот композиционный водораздел в лирическом произведении наиболее важен: с одной стороны, он прямо предопределяется самой природой жанра; с другой, авторские метафоры, метонимии, прочие риторические фигуры и иные отклонения от языковых конвенций, которые у многих авторов считаются основной приметой первого дискурсивного плана⁶, на самом деле могут присутствовать — или, наоборот, от-

⁴ Между прочим, есть серьезные причины думать, что именно с описанным феноменом была связана главная функция вторичных имперфективов (или, более точно, протоимперфективов) в древнерусском языке: в повествовательных текстах они, судя по всему, сигнализировали, с одной стороны, о принадлежности соответствующего фрагмента к ненарративной линии, но с другой — о его выделенности на фоне иных ненарративных фрагментов; см. подробно: Г. М. Зельдович, *О природе протовидовой оппозиции в древнерусском языке*, «Wiener Slawistischer Almanach» 2015, Band 75, с. 231–336.

⁵ См.: Т. И. Сильман, *Заметки о лирике*, Советский писатель, Ленинград 1977.

⁶ См., в частности: G. N. Leech, *A Linguistic Guide to English Poetry*, Longmans, London 1969; Y. Shen, *Foregrounding in poetic discourse: between deviation and cognitive constraints*, «Language and Literature» 2007, №2, с. 169–181; К. Н. Nofal, *Syntactic aspects of poetry: A pragmatic perspective*, «International Journal of Business and Social Science» 2011, №16, с. 47–63; D. Manin, *The*

существовать — равным образом как в эмпирических по содержанию фрагментах, так и в фокусе.

Как показано нами в ряде работ, описанная неоднородность лирического текста весьма последовательно проявляет себя в самой его языковой материи⁷. Здесь для нас особенно существенно, что приметой фокуса может служить формальное, а значит, и смысловое взаимоподобие соответствующих фрагментов. Говоря более конкретно, при работе с корпусом лирических текстов было выяснено, что подобие между обладающими неравной длиной фрагментами в фокусе обнаруживается почти вдесятеро (!) чаще, нежели вне фокуса⁸.

Уже отсюда хорошо видно, что формальная и смысловая взаимоотраженность между теми или иными отрезками текста по крайней мере в принципе способна быть надежной и высокопродуктивной приметой дискурсивного выделения.

2. СМЫСЛОВЫЕ ВЗАИМООТРАЖЕНИЯ КАК МАРКЕР ДИСКУРСИВНОЙ ПРИВИЛЕГИРОВАННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

В дальнейшем формальное взаимоподобие, хотя оно и встречается в отдельных интересующих нас примерах, не будет играть

right word in the left place, «Scientific Study of Literature» 2012, №2, с. 273–300.

⁷ См.: Г. М. Зельдович, *Об одном способе маркировать дискурсивную перспективу в лирической поэзии. Композиция и референциальные связи, или В чем неправы П. Хоппер и С. Томпсон*, «Linguistica Copernicana» 2015, №12, с. 245–270; Г. М. Зельдович, «Золотое сечение» и композиция лирического текста, «Wiener Slawistischer Almanach» 2016, Band 78, с. 95–148; Г. М. Зельдович, *Композиция лирического стихотворения и «теснота» стихового ряда: Типологическое богатство информации как маркер первого дискурсивного плана в лирическом тексте // Людмила Савченко. Душа воспламененная*, Харьковский университет, Харьков 2018, с. 287–346; Г. М. Зельдович, *Целостность авторского сознания как признак главного дискурсивного плана в лирическом стихотворении*, «Linguistica Copernicana» 2018, №15, с. 323–353; G. Zeldowicz, *Extraverted consciousness, introverted consciousness, and composition of lyrical discourse*, «Linguistica Copernicana» 2016, №13, с. 301–318.

⁸ См.: Г. М. Зельдович, «Золотое сечение...». Там же объяснено, почему весьма существенна именно *неравная* длина фрагментов. Ср. также ниже Примечание 10.

ключевую роль, а сосредоточимся мы на взаимоотражениях собственно смысловых.

Наше исходное наблюдение заключается в том, что в нарративной художественной прозе (в том числе, конечно, и фольклорной, скажем, в анекдоте, байке и т.д.) встречаются фрагменты, которые воспринимаются как исключительно заметные, необычные, афористически точные, иногда и просто ошеломительные, но при этом они либо относятся ко второму, так сказать, «нефабульному» дискурсивному плану, на нем уже занимая отчетливо привилегированную позицию, либо — что, впрочем, случается реже — принадлежат главной сюжетной линии, но при этом их дискурсивную привилегированность крайне трудно объяснить действием обычных в данном случае механизмов — перфективностью глагола, его теличностью либо моментальностью, переходностью, реальной модальностью соответствующих предложений, их утвердительностью и т.д.

Первый тезис, который мы хотели бы обосновать, в самом общем виде сводится к тому, что очень часто в таких фрагментах присутствует своего рода смысловая «зеркальность», или, иначе говоря, в них актуализируются такие представления, между которыми можно обнаружить нечто сходное.

Вместе с тем, сам по себе тезис этот — чрезвычайно слабый и еще не проясняет того свойства привилегированных фрагментов, которое выделяло бы их на общем фоне.

С одной стороны, представление о какого-то рода сходстве разных сущностей индуцируется и метафорой, и сравнением, и параллелизмом, и многими другими средствами, которые в художественном тексте едва ли не вездесущи. С другой стороны, взаимоподобие легко допускает и несколько более широкую интерпретацию, при которой его можно усмотреть даже у противоположных, контрастных явлений: в таком случае оказываются друг для друга как бы зеркальным отражением — «свет» и «тьма», «жар» и «холод», «сон» и «явь» и т.п., а также утверждение некоторой пропозиции и ее отрицание. Последнее означает, что в конечном счете самоподобие имплицитно попросту к а ж д ы м утвердительным или отрицательным предложением — ибо, как хорошо известно, нечто утверждая, мы с необходимостью нечто иное отрицаем, и наоборот⁹.

⁹ См.: A. Bogusławski, *Problems of the Thematic-Rhematic Structure of Sentences*, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa 1977.

Поэтому можно думать, что в когнитивно особенно заметных, привилегированных фрагментах нарративного дискурса не только достаточно часто обнаружится определенного рода взаимоотношение смыслов, но автор еще и постарается его детривиализировать, сделать в каком-то отношении более изысканным и неожиданным, то есть либо более сложным, более «многоплановым», нежели этого, абстрактно рассуждая, следовало бы ожидать, либо более близким, более ощутимо сводящим вместе две противоположности¹⁰.

Говоря предметнее, можно вообразить себе вариант, когда, например, метафора выявляет определенные вполне ясные, лежащие если не на поверхности, то близко к ней сходства между «источником» и «мишенью» (метафоризирующим и метафоризируемым), но сверх этого между ними есть еще и некое интересное сходство, относящееся к совсем и н о м у уровню, нередко настолько глубинное, что оно вообще скрыто от взгляда, но при серьезном анализе выявляемое с полной непреложностью. Можно представить себе метафору или сравнение, указывающие на ясные подобия между «источником» и «мишенью» (для сравнения это, иначе говоря, сравнивающее и сравниваемое), но в п р и д а ч у к этому подразумевающие также и некие м е т о д и м и ч е с к и е связи между ними.

Вообразимы также метафора, сравнение или параллелизм, требующие от нас увидеть общность в совершенно несравнимых, часто категориально разноприродных представлениях (это имеет место, например, в бабелевской конструкции «[...] на носу у вас очки, а в душе осень»), и такое «сближение несближаемого», придающее соответствующей речевой фигуре дополнительную как бы оксюморонную окраску и заставляющее нас ясно ощутить, сколь значительными усилиями оплачено искомое уподобление, тоже имеет право считаться детривиализирующим фактором.

Помимо этого, очень хорошо ощутимой цена самоподобий оказывается в случае амфиболии, то есть там, где их возникновению сопутствует одновременная актуализация двух разных значений слова или иной языковой единицы. Это, разумеется,

¹⁰ Кстати, возвращаясь к затронутой в п. 1 теме, логично предположить, что там, где «взаимоотраженные» фрагменты становятся маркером первого дискурсивного плана в лирическом произведении, детривиализирующим их подобие фактором оказывается сама их ощутимо неравная длина.

объясняется теми исключительно высокими когнитивными затратами, без которых мы не в состоянии мысленно согласовать друг с другом — или хотя бы отчасти друг с другом согласовать — вообще-то слишком непохожие представления и которые практически всегда делают соответствующий прием чрезвычайно заметным, не позволяя воспринять его как нечто «проходное» и «саморазумеющееся».

Там же, где в игру вступают не просто разноплановые, но уже контрадикторные, логически несовместимые смыслы, их взаимоотраженность может быть детривиализирована либо немедленной попыткой их синтеза, когда в тексте сразу же вслед за ними появляется некая более общая идея, оба эти смысла себе подчиняющая и потому их по крайней мере в определенном плане примиряющая (так, умение пить водку и неумение ее пить уравниваются по своим последствиям в бабелевском «Есть люди, умеющие пить водку, и есть люди, не умеющие пить водку, но все же пьющие ее»), либо тем, что их контрадикторность смягчается особыми средствами (в самом простом случае — указывается, вопреки логике, на одновременную истинность соответствующих пропозиций, как, например, у Сергея Довлатова в знаменитом «Мне стало противно, и я ушел. Вернее, остался»).

Итак, более сильная гипотеза, которая подтверждается обследованным материалом, состоит в том, что в особенно заметных на общем фоне фрагментах художественного текста, во-первых, весьма часто обнаруживается того или иного рода взаимоотраженность, взаимоподобие смыслов, а во-вторых, взаимоподобие это по тем или иным причинам оказывается отчетливо нетривиальным.

Однако и этим, как показал материал, существо дела тоже не исчерпывается. Помимо своих нетривиальных смысловых самоподобий, интересующие нас дискурсивно привилегированные, наиболее «яркие» и «разительные» фрагменты обнаруживали — если не всегда, то в большинстве случаев — особенно тесную связь с предшествующим текстом и этим предтекстом, так сказать, подготовленность.

Одной из манифестаций названной связи является анафора. Там, где имелись факторы, детривиализирующие самоподобие смыслов, гораздо чаще, нежели в случаях тривиального самоподобия, подлежащее соответствующих конструкций оказывалось уже известным из предтекста: либо соответствующий референт

уже назывался раньше прямо, либо его присутствие в пространстве текста легко угадывалось благодаря другим преждеупомянутым референтам (так, как, допустим, упоминание о зоопарке дает нам право, а иногда почти даже заставляет нас подумать об обезьянах, львах, медведях и т.п.¹¹); конкретные статистические сведения будут представлены позднее, в п. 4.

Поскольку, с одной стороны, подлежащее суть когнитивно наиболее привилегированный член предложения, так что его анафорическая «унаследованность» из предтекста должна ощущаться особенно ясно, и поскольку, с другой стороны, в нарративных текстах имеется сильная тенденция к дискурсивной устойчивости подлежащих, то есть к тому, чтобы однажды названный подлежащим референт еще многократно появлялся в этой же синтаксической ипостаси¹², постольку именно «перенятое» от предшествующей конструкции подлежащее являет собой наиболее прототипическую анафору и в плане преемственности референтов обеспечивает между соответствующим предложением и предтекстом самую прочную связь.

Несколько менее прототипична ситуация, когда анафорическую роль играет дополнение (дополнение, даже прямое, когнитивно менее привилегированно, и соответствующий референт бывает не анафорическим, а новым, значительно чаще, чем референт-подлежащее), и еще менее прототипична та, когда анафоричен сирконстант — ибо еще ниже его когнитивный ранг и еще реже появляющиеся тут референты обнаруживают дискурсивную устойчивость, многократную повторяемость в разных предложениях. В случаях второго рода мы будем считать, что референциальная связь с предтекстом хотя и не отсутствует полностью, как если анафоры вообще нет, но все же очень слаба.

Кроме того, оценивать, насколько данный фрагмент подготовлен предшествующим текстом, можно также по характеру их содержательной связи, то есть в терминах возникающих между ними дискурсивных отношений. Последние будут пониматься в духе теории дискурса, которую создали Николас Эшер

¹¹ См. подробно: E. Prince, *Toward a taxonomy of given-new information* // P. Cole (ред.), *Radical Pragmatics*, Academic Press, New York 1981, с. 223–256.

¹² См.: T. Givón, *From discourse to syntax: Grammar as a processing strategy* // T. Givón (ред.), *Discourse and Syntax. Syntax and Semantics. Vol. 12*, Academic Press, New York, etc. 1979, с. 81–112.

и Алекс Ласкаридес (так называемая теория сегментированной репрезентации дискурса)¹³.

Усматривать ту или иную дискурсивную связь естественнее всего между двумя целостными (неважно, простыми или сложными) предложениями. С другой стороны, в дискурсивную связь несомненно способны вступать и простые предложения, являющиеся частью сложного сочиненного либо бессоюзного, — при условии, конечно, что они обладают достаточной автономностью, то есть сегментация данного сложного предложения на отдельные простые не привела бы к существенным изменениям смысла. Поэтому, например, допустимо считать, что в предложении «Но я остался один в моей работе, покойник Лева Бык умер, мне нет помощи ниоткуда, и вот я один, как бывает один Бог на небе» (Бабель) между «покойник Лева Бык умер» и «и вот я один, как бывает один Бог на небе» имеется дискурсивная связь (нарративного типа; см. чуть ниже), но ни в коем случае не вступают в такую связь ни друг с другом, ни с иными фрагментами текста части предложения «Опоздаешь на экзамен — получишь двойку», ибо, придай мы им статус самостоятельных высказываний («Опоздаешь на экзамен. Получишь двойку»), смысл сообщаемого исказился бы до неузнаваемости¹⁴.

Наиболее частыми дискурсивными отношениями являются нарративное (входящие в данную связь предложения описывают два последовательных события, как в текстах «Нам дали отпуск. Мы отправились к морю»; «Иван упал с лестницы. Тут же ему вызвали врача»), детализационное (второе из двух связываемых им предложений сообщает некоторые дополнительные сведения о той же самой ситуации, какая описывалась первым, как в текстах «Нам дали отпуск. К сожалению, только на 4 дня»; «У нас сломался телевизор. Что-то не в порядке с блоком питания»), пояснительное (второе предложение уточняет, почему имеет место описываемая в первом ситуация либо, реже, откуда говорящий о ней узнал; ср., соответственно, тексты «Нам дали отпуск. У начальника было хорошее настроение» и «Маша испортила одежду. Я видел, как она покупала пятновыводитель»),

¹³ См. особенно: N. Asher, A. Lascarides, *Logics of Conversation*, Cambridge University Press, Cambridge 2003.

¹⁴ Также дискурсивное отношение может устанавливаться между предложением и целым комплексом иных предложений или между двумя такими комплексами, но эти варианты для нас не будут актуальны.

причинно-следственное (первое предложение указывает на причину, второе — на результат, как в текстах «У начальника было хорошее настроение. [Поэтому н]ам дали отпуск»; «Иван болен. Он сидит дома»), контрастное отношение («Нам дали отпуск. А Маша так и будет ходить на работу»; «Вчера был еще праздник. Сегодня надо тяжело работать») и отношение параллелизма («Маша варит суп. Ваня жарит картошку»; «Маша развлекается. Ваня тоже ничем не занят»)¹⁵.

Первостепенную важность для нас имеют следующие обстоятельства.

Во-первых, в ряде случаев какое-то высказывание не просто позволяет продолжить текст в пояснительном ключе, но с большей или меньшей настоятельностью также и требует такого продолжения. Например, если мы скажем, что кто-то имел обыкновение спать стоя, сам собой возникает вопрос, почему, и именно ответа на него мы будем ждать от следующей фразы. Понятно, что если в подобных случаях «левым контекстом» задается тип дискурсивных отношений, в которые вступит соответствующее высказывание, то до известной степени загодя предопределенным становится и его собственный смысл.

Во-вторых, нередко, особенно в художественной литературе, какой-то фрагмент текста описывает ситуацию столь экзотическую, выходящую из ряда вон, что адресат не может сразу не задаться вопросом, к каким же именно последствиям она привела. Разумеется, связь такого фрагмента с позднейшим рассказом о последствиях не просто причинно-следственная, но и хорошо предсказуемая в этом своем качестве.

В-третьих, сходным образом дело обстоит в случае нарративных связей. Как правило нарративные цепочки в текстах достаточно длинны, поэтому если какая-то фраза развивает уже начатую прежде наррацию, то следующая за ней в норме должна тоже наррацию продолжить¹⁶.

¹⁵ См. снова: N. Asher, A. Lascarides, *Logics of Conversation...*, а также: E. Jasinskaja, *Pragmatics and Prosody of Implicit Discourse Relations*, Dissertation, University of Tübingen, Tübingen 2009.

¹⁶ Это, конечно, лишь одно, хотя, возможно, и самое яркое из проявлений так называемой дискурсивной инерции: если между двумя предложениями развешивающегося дискурса уже установлена определенная содержательная связь и если у нас нет ясных причин думать иначе (справедливости ради, надо заметить, что причины эти бывают весьма разнообразны, имея своим источником и структуру данного конкретного текста, и общие закономерно-

Наконец, о том, что содержание соответствующего предложения частично предсказано «левым контекстом», нужно говорить еще и тогда, когда предложение это выполняет детализирующую функцию.

Екатериной Ясинской убедительно показано, что детализационная дискурсивная связь, то есть, напомним, связь, возникающая, если последующее предложение сообщает нечто дополнительное о ситуации, которая описывалась предыдущим, — такая дискурсивная связь является среди всех связей наименее маркированной, самой «базовой»¹⁷. Поэтому по умолчанию, в отсутствие особых обстоятельств (из которых наиболее частым является уже сложившаяся нарративная инерция, делающая вероятным дальнейшее развитие рассказа) логично ожидать, что каждое продолжение текста будет выдержано в детализационном ключе. (К сожалению, воспроизвести весьма развернутую и многостороннюю аргументацию Ясинской здесь не представляется возможным).

Ввиду этого, детализационную связь между интересующим нас предложением и предложением более ранним мы также считаем в объясненном выше смысле предсказуемой.

Итак, опираясь на проанализированный материал, можно утверждать, что если определенный фрагмент художественного текста воспринимается как дискурсивно привилегированный и если в нем обнаруживается того или иного характера взаимотраженность каких-то смысловых элементов, то, во-первых, взаимоподобие их скорее всего будет нетривиальным в оговоренном выше понимании этого слова; во-вторых, данный фрагмент как правило окажется соединен с предтекстом достаточно прочными — то есть идущими по линии подлежащего и/или дополнения — анафорическими связями; в-третьих, дискурсивные связи этого фрагмента с некоторым предваряющим его фрагментом часто будут заранее предсказуемыми, то есть содержание более раннего фрагмента во многих случаях позволит строить относительно их характера достаточно надежный прогноз.

сти текстостроения, и прагматический вывод, и наши представления о мире, — и потому появляются отнюдь не редко), то мы ожидаем, что и новое предложение будет присоединяться к второму из нашей пары по точно такому же принципу; см. подробно: N. Asher, A. Lascarides, *Logics of Conversation...*

¹⁷ См.: E. Jasinskaja, *Pragmatics and Prosody...*

Иными словами, можно утверждать, что как сигнал о дискурсивной привилегированности соответствующих фрагментов выступает скорее не какая-то одна их особенность, но целый комплекс названных выше обстоятельств.

Ниже мы проанализируем материал, подтверждающий эту гипотезу. Он почерпнут главным образом из произведений Исаака Бабеля, Леонида Соловьева, Сергея Довлатова, Бруно Шульца и Милорада Павича. В последних двух случаях анализировался русский перевод, но в интересующих нас аспектах он не отклонялся от оригинала. Примеров из *Хазарского словаря* Павича оказалось очень много, и это совершенно естественно, ибо мотив взаимоотраженности, среди прочего проекций чьего-то сна на явь другого человека и обратно, является тут сквозным.

Разумеется, вынести первоначальное суждение о каком-либо фрагменте как дискурсивно выделенном, ярком, привлекающем внимание, запоминающемся и т.д. мы могли главным образом интуитивно — что, впрочем, в работах о внутренней иерархизации текста давно стало общепринятой практикой. Вместе с тем, свои выводы мы сверяли с впечатлениями нескольких информантов — лингвистов, философов и литераторов, которым приносим благодарность.

Поскольку обсуждаемая здесь закономерность носит достаточно абстрактный характер и, как следствие, материал, с которым мы работали, необычайно разнообразен, мы решились ниже по отдельности рассмотреть довольно внушительное число примеров. Читатель, дорожащий временем или питающий к автору большое доверие, может ограничиться прочтением нескольких наших разборов и перейти к п. 4.

В зависимости от того, обладают ли соответствующие примеры всеми тремя релевантными особенностями (нетривиальное самоподобие каких-то смыслов, прочная референциальная связь с предтекстом, наперед прогнозируемые дискурсивные отношения с ним), лишь одной из этих особенностей, двумя особенностями в той или иной комбинации или же не обладают ни одной из них, наш материал в принципе можно расклассифицировать по многим (теоретически, если все варианты окажутся осуществленными, то по восьми) рубрикам. Чтобы, однако, не усложнять чрезмерно структуру следующей части, примеры были разделены на два главных типа: условно говоря, на канонические, то есть те, у которых имеются все три обсуждаемых

свойства, и неканонические, обладающие неполным набором свойств или вовсе ни одним не обладающие. Нам кажется, такое решение сделает материал легче обозримым, а обсудить более тонкие различия будет удобно, когда мы с ним познакомимся ближе.

3. МАТЕРИАЛ

3.1. «КАНОНИЧЕСКИЙ» СЛУЧАЙ: ПРИМЕРЫ, ГДЕ В ДИСКУРСИВНО ВЫДЕЛЕННОМ ФРАГМЕНТЕ ТЕКСТА ИМЕЕТСЯ НЕТРИВИАЛЬНАЯ ВЗАИМООТРАЖЕННОСТЬ СМЫСЛОВ, ФРАГМЕНТ ЭТОТ НАХОДИТСЯ В ПРОЧНОЙ АНАФОРИЧЕСКОЙ СВЯЗИ С ПРЕДТЕКСТОМ И ЕГО ДИСКУРСИВНЫЕ СВЯЗИ С ПРЕДТЕКСТОМ ПРОГНОЗИРУЕМЫ

3.1.1. ПРИМЕР 1

— Да, я не хочу вас, — прокричала тогда мадам Каплун, подслушивавшая у дверей, и она вошла в стеклянную пристрочку, вся пылая, с волнующейся грудью, — *я не хочу вас, Грач, как человек не хочет смерти; я не хочу вас, как невеста не хочет прыщей на голове* (И. Бабель; здесь и ниже в примерах курсив наш — Г.З.).

Очевидно, присутствующие в выделенном фрагменте сравнительные конструкции указывают на подобие между соответствующими представлениями. Также очевидно, что главные референты здесь унаследованы из предшествующего текста и что в плане дискурсивных связей фрагмент этот строится как детализация более раннего «Да, я не хочу вас», то есть, по объясненным выше причинам, возникающие тут дискурсивные отношения в достаточно высокой степени предсказуемы.

Остается ответить на вопрос, должна ли речь идти о тривиальной или же нетривиальной взаимоотраженности смыслов. Несомненно, верно второе.

Дело в том, что когда мы не хотим какого-то события (допустим, смерти) или не хотим какого-то предмета (скажем, прыща), то как правило эта наша установка касается данной сущности в целом, безотносительно к особенностям той или иной конкретной ситуации, в которую она вовлечена, а когда мы не хотим какого-то человека, то обычно не хотим его в определенном ситуативно обусловленном качестве — в качестве соседа, работника, партнера, кума и т.п. Независимо от того, будем ли мы

объяснять такое различие многозначностью глагола «хотеть» (в которую, впрочем, трудно поверить; скорее речь тут надо вести о размытости смысла) или просто глубоким несходством между соответствующими условиями его употребления (интуитивно более убедительный вариант, ибо здесь мы отдадим должное той несравненно более высокой индивидуализированности человека, по сравнению с предметами, той несопоставимо большей многомерности наших о нем представлений, которая наверняка играет здесь ключевую роль), само это различие настолько ощутимо, что нейтрализоваться оно может скорее всего только при сильном давлении контекста и подобная нейтрализация практически с неизбежностью придаст соответствующему фрагменту весьма экзотическую окраску.

Именно это и происходит в приведенных бабелевских сравнениях, где одновременно реализуются обе названные интерпретации оборота «не хочу». Иными словами, для того, чтобы создать обсуждаемое взаимоподобие, автору понадобилось отойти от определенных общепринятых норм, а этим оно, конечно, со всей очевидностью детривиализируется.

3.1.2. ПРИМЕР 2

Аналогичный разбор можно предложить и для другого примера из *Одесских рассказов*:

Но я остался один в моей работе, покойник Лева Бык умер, мне нет помощи ниоткуда, *и вот я один, как бывает один Бог на небе* (И. Бабель).

Выделенный фрагмент, во-первых, связан с предтекстом анафорическим отношением (через референт *я*), во-вторых, становится нарративным развитием фрагмента «покойник Лева Бык умер» и детализацией к фрагменту «мне нет помощи ниоткуда», то есть в обоих случаях его содержание отчасти предсказуемо наперед. Коль скоро тут есть сравнение, то присутствует и интересующая нас взаимоотраженность смыслов, причем, самое главное, очень похоже на правду, что повторяющееся тут слово «один» в каждом случае обладает несколько иным значением (человек может быть «одинок», а Бог, в первую очередь, — «единствен»); первое представляет собой отклонение от определенной нормы,

второе — даже не просто норму, а *sine qua non* существования Бога в каждом монотеистическом учении), — так что происходящее у Бабеля неожиданное, заставляющее нас удивиться приведение двух значений к «общему знаменателю» надо считать здесь детривиализирующим средством.

3.1.3. ПРИМЕР 3

Сходная игра с многозначностью очень важна и в следующем отрывке из *Одесских рассказов*:

Вам двадцать пять лет. Если бы к небу и к земле были приделаны кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы небо к земле. А папаша у вас биндюжник Мендель Крик. Об чем думает такой папаша? Он думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях — и ничего больше. Вы хотите жить, а он заставляет вас умирать двадцать раз на день. *Что сделали бы вы на месте Бени Крика? Вы ничего бы не сделали. А он сделал. Поэтому он Король, а вы держите фигу в кармане* (И. Бабель).

Очевидно, весь выделенный фрагмент построен на частичном уподоблении и немедленном расподоблении адресата с Беной Криком, то есть, в конечном счете, — на некоторой взаимоотраженности соответствующих представлений.

Детривиализирующее последнюю обстоятельство заключается в том, что выражение «сделать что-то на чьем-то месте» используется сразу в двух вообще-то сходных, но здесь четко разграниченных смыслах — ‘сделать что-то, находясь в тех же обстоятельствах, что другой человек’ и ‘сделать что-то, находясь в тех же обстоятельствах, что другой человек, и при этом вдобавок обладая важнейшими качествами данного человека’.

Помимо этого, три из четырех предложений рассматриваемого отрывка входят в сильную референциальную связь с предтекстом — через подлежащее «вы». Что же касается дискурсивной связи, то в первом, втором и третьем предложениях обсуждаются те последствия, к которым привело бедственное положение Бени Крика или привело бы подобное положение адресата либо иного человека, оказавшегося на Бенином месте; при этом, однако, на вопрос, какие же жизнеопределяющие решения примет в данном случае соответствующий человек, практически с не-

избежностью наводит читателя уже предшествующий нашему фрагменту текст, особенно фраза «Вы хотите жить, а он заставляет вас умирать двадцать раз на день», — так что данная дискурсивная связь оказывается в высокой степени предсказуемой.

3.1.4. ПРИМЕР 4

Иногда детривиализирующим взаимоподобие смыслов фактором становится не проиллюстрированная выше амфиболия, то есть совмещение у одного слова двух ощутимо несходных значений, а, так сказать, неоднозначность фрейма, стереотипного сценария, в рамках которого надо интерпретировать соответствующий фрагмент текста. Так дело обстоит в следующем примере, где героиня, Лида, приходит в гости к своему старому приятелю, профессору медицины:

- ...Кофе хочешь? Раздевайся...
- *Только после вас, доктор*, — вспомнила Лида какую-то старую шутку (С. Довлатов).

Содной стороны, в выделенном фрагменте появляется взаимоподобие смыслов ('я сделаю так, как сделаешь ты'), с другой, чтобы оно возникло, необходимо резко изменить предполагаемый сценарий, отказавшись от сценария «в гостях у приятеля» в пользу сценария «посещение врача». Разумеется, есть и прочная референциальная связь с предтекстом, через нулевое подлежащее 'я' ('я разденусь после вас'), а дискурсивная связь детализационная (или как минимум отчасти детализационная — если усматривать здесь еще и контраст), так как героиня тут сообщает добавочные сведения, касающиеся ранее упомянутого своего раздевания.

3.1.5. ПРИМЕР 5

В следующем примере тоже происходит своего рода нарушение «сценария», только на этот раз «сценарий» касается не того, как должны развиваться реальные события, а нормально ожидаемой морфосинтаксической формы предложения.

- Нет, я всего, что накопал, впадая в психоложество, перечислять не буду. Поскольку и религию люблю легко и соблазнительно с такой же точки

ВЗАИМООТРАЖЕННОСТЬ СМЫСЛОВ...

зрения рассмотреть — тогда выходит, что и в самом деле это опиум. Вера в посмертное воздаяние по справедливости столь же целительна душе, как упование нецененного художника на благодарный вкус потомков. *И вся-то наша жизнь становится защитой от нее* (И. Губерман).

Разумеется, в обычном случае фраза вида «X является защитой от X-а» воспринимается как прагматически весьма странная, ибо подобная модель в норме предполагает нетождество двух актантов (допустимо только нечто вроде «X является защитой от себя самого», но рефлексивное местоимение, особенно в своей «утяжеленной» довеском «самого», эмфатизированной форме, как раз и предназначено быть сигналом о том, что данная референциальная тождественность идет вразрез с нашими ожиданиями). Надо думать, это обстоятельство и выступает в выделенной фразе как дополнительный фактор, детривиализирующий зеркально-противительные отношения между жизнью как средством защиты и жизнью как источником опасностей.

Как видно из приведенного отрывка, появление референта «жизнь» хорошо подготовлено предтекстом, а отрывок этот служит обобщением сказанному ранее, то есть, по существу, — его детализацией.

3.1.6. ПРИМЕР 6

Всего год тому назад Бенья написал Эйхбауму письмо.

«Мосье Эйхбаум, — написал он, — положите, прошу вас, завтра утром под ворота на Софийевскую, 17, — двадцать тысяч рублей. *Если вы этого не сделаете, так вас ждет такое, что это не слыхано, и вся Одесса будет о вас говорить.* С почтением Бенья Король» (И. Бабель).

В выделенном фрагменте мы встречаемся с взаимоотраженностью особого рода. Весь он, конечно же, представляет собственную, так сказать, незаемную мысль Бени Крика; это вдвойне очевидно, если учесть, что сообщает Бенья о своих намерениях, к намерениям же человека иные люди имеют заведомо худший доступ, нежели он сам, или вообще доступа не имеют (разумеется, в случае намерений криминального характера вероятнее как раз второе). И вместе с тем, выражение «такое, что это не слыхано» в устах Бени носит издевательски-циничный характер, ибо тот, кто сказал бы это аутентичным образом, всерьез, а не в порядке цитации, воспроизведения чужих слов, выражал

бы тут свою ошеломленность соответствующими событиями — Беню же они ошеломить никак не могут, ибо он сам их предусмотрел.

Иначе говоря, здесь мысль, вообще-то принадлежащая одному персонажу, как бы разверстывается между двумя — Беней и неким вторым когнитивно-локутивным субъектом (им мог бы быть Эйхбаум, но это не обязательно) — и оттого становится в определенном плане сама своим отражением (или же, в несколько более сложных терминах, двойнические отношения возникают между двумя ответственными за нее субъектами). С другой стороны, подобная перебивка когнитивных позиций внутри предложения настолько экзотична, что возникшую дуальность никак нельзя считать тривиальной.

Сверх этого, налицо сильная референтная связь с предтекстом: заранее известный референт «вы» последовательно появляется как подлежащее, прямое и косвенное дополнение. Что касается дискурсивных отношений интересующего нас фрагмента, то непосредственно перед ним Бенья излагает свое требование, а природа требования такова, что его неисполнение карается определенными санкциями, чей характер здесь как раз и уточняется. Поэтому к непосредственному предтексту обсуждаемый фрагмент относится как его детализация, а последнюю, по объясненным ранее причинам, мы считаем дискурсивным отношением, которое хорошо предсказуемо наперед.

3.1.7. ПРИМЕР 7

Он не поверил старику и оказался кругом неправ. Прав был Голубчик. *Голубчик занимался сватовством на нашей улице, по ночам он читал молитвы над зажиточными покойниками и знал о жизни все, что можно о ней знать.* Фроим Грач был неправ. Прав был Голубчик (И. Бабель).

Финал выделенного фрагмента показывает, что, с точки зрения рассказчика, в жизни есть вещи, которые можно знать, и вещи, которых знать в принципе нельзя. Очевидно, такое разделение потенциальных атрибутов жизни на два контрастных типа создает зеркально противоположные представления, а его максимальная неконвенциональность, неожиданность делает соответствующее взаимоотражение нетривиальным. Кроме того, интересующий нас фрагмент на референциальном уровне

ВЗАИМООТРАЖЕННОСТЬ СМЫСЛОВ...

связан с предтекстом анафорическим подлежащим, а на уровне дискурсивных отношений выступает как детализация к первому «Прав был Голубчик», поскольку в нем об описанной тут ситуации даются дополнительные сведения.

3.1.8. ПРИМЕР 8

— Почему он? Почему не они, хотите вы знать? *Так вот — забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень* (И. Бабель).

В выделенном предложении есть синтаксический и смысловой параллелизм, притом параллелизм отнюдь не тривиальный, так как представления об очках и об осени чрезвычайно далеки друг от друга, хотя бы за счет своей совершенно различной категориальной природы (у первых она предметная, у второй — предикатная; поэтому, разумеется, категориально несходна тут и семантика предлогов «на» и «в»), и на таком фоне соответствующее взаимоподобие смыслов оказывается весьма неожиданным.

Далее, наша фраза вступает с предшествующим ей фрагментом в сильную референциальную связь через нулевое подлежащее 'вы'. Фрагмент этот продолжает начатую ранее в тексте нарративную линию (автор услышал о необыкновенном взлете Бени Крика и хочет понять, почему так произошло), и обсуждаемое предложение находится с ним тоже в нарративной связи, ибо два соответствующих события упорядочены во времени, то есть желание узнать ответ появилось у адресата раньше, а забудет он о том, что «на носу у него очки, а в душе осень» (если, конечно, забудет), — позднее. Иными словами, наше предложение не только развивает наррацию, но в нем получает свое осуществление уже сложившаяся прежде «нарративная инерция» — что делает его дискурсивную связь с более ранним текстом загодя прогнозируемой.

3.1.9. ПРИМЕР 9

...Я стал маклером. Сделавшись одесским маклером — я покрылся зеленью и пустил побег. Обремененный побегами — я почувствовал себя несчастным. В чем причина? Причина в конкуренции. Иначе я бы на эту

справедливость даже не высморкался. В моих руках не спрятано ремесла. Передо мной стоит воздух. Он блестит, как море под солнцем, красивый и пустой воздух. Побег хотят кушать. У меня их семь, и моя жена восьмой побег. *Я не высморкался на справедливость. Нет. Справедливость высморкалась на меня* (И. Бабель).

В отмеченном курсивом фрагменте есть не просто параллелизм, но еще и детривиализирующее его обстоятельство, заключающееся в по крайней мере частичном уравнивании друг с другом контрадикторных понятий. Если пятью предложениями раньше было сказано «Иначе я бы на эту справедливость даже не высморкался», то выражение «не высморкаться (на что-то или кого-то)» позволительно в данном контексте понять не только как антоним к «высморкаться (на что-то или кого-то)», но и как «близкое» к последнему по смыслу (наверняка игра с этой, так сказать, окказиональной энантиосемией входила в авторские намерения).

Разумеется, есть сильная референциальная преемственность с предтекстом — через подлежащее «я». Что касается дискурсивных отношений, то и фраза «Я не высморкался на справедливость», и фраза «Справедливость высморкалась на меня» становятся относительно более раннего фрагмента «Я стал маклером. Сделавшись одесским маклером — я покрылся зеленью и пустил побег. Обремененный побегими — я почувствовал себя несчастным» своеобразным подведением итога, обобщающей парафразой, то есть входят с ним в признаваемую у нас предсказуемой детализационную связь.

3.1.10. ПРИМЕР 10

Я выздоровел. И это для того, чтобы из Бениных рук перелететь в Любкины. Сначала я о Бене, потом о Любке Шнейвейс. На этом кончим. И всякий скажет: *точка стоит на том месте, где ей приличествует стоять* (И. Бабель).

В выделенном фрагменте, во-первых, декларируется соответствие между местом, где реально стоит точка, и местом, где она должна стоять. Во-вторых, поскольку слово *п р и л и ч е с т в у е т* в норме употребляется по отношению к человеческим поступкам («В таких случаях приличествует попросить прощения»; «Здесь приличествует остановиться»; «Девушке прили-

чувствует скромность» и т.п.), а здесь требует серьезного переосмысления, постольку за названное взаимосоответствие платится вполне ощутимая когнитивная цена, и она выступает здесь как детривиализирующий фактор. В-третьих, референт «точка» легко угадывается из предтекста, особенно из фразы «На этом кончим». В-четвертых, по отношению к этой фразе то, что описывается интересующим нас фрагментом, может восприниматься как следствие и может — как детализация (в последнем случае возникает смысл вроде ‘на этом закончим, и закончим именно там, где нужно’), причем одно прочтение отнюдь не исключает другого: напомним, что, интерпретируя текст, мы стремимся извлечь из него как можно больше релевантной информации и потому обычно стараемся установить все допустимые дискурсивные связи¹⁸. Если понять здесь дискурсивную связь как причинно-следственную, то ее характер едва ли предскажем наперед, зато детализационная связь, как мы не раз уже говорили, просто по своей природе немаркированная и оттого в определенном плане всегда предсказуема.

3.1.11. ПРИМЕР 11

— Она права, — глубокомысленно заметил старик. — Мы во многом обязаны своим спасением этому ишаку, который поистине украшает собою мир и выделяется, как алмаз, среди всех других ишаков (Л. Соловьев).

В отмеченном фрагменте имеется сравнение и, следовательно, устанавливается взаимоподобие между двумя идеями. Имеется и детривиализирующий фактор. Как правило конструкция «Данный X выделяется среди других X-ов» используется тогда, когда X-ом является человек или некоторое его произведение, способное нести на себе отчетливый отпечаток его личности (ср.: «В студенческие годы Иван выделялся среди товарищей»; «Новая книга Ивана выделяется среди иных представленных на выставке»; «Он умеет писать картины, которые сразу выделяются среди прочих»), то есть — в обоих случаях сущность в высокой степени индивидуализированная. Животные в норме обладают для нас индивидуализированностью куда меньшей и выступать в роли подобного X-а практически не могут; ср. «^{??}Эта лошадь

¹⁸ См.: N. Asher, A. Lascarides, *Logics of Conversation...*

выделяется среди других лошадей»; «^{??}Моя собака выделяется среди других собак» (правда, намного лучше «Эта лошадь выделяется среди других лошадей своей красотой и чистотой крови»; «Моя собака выделяется среди других собак редкостной выносливостью», где уточняется, по какому именно признаку данное животное имеет преимущество перед другими; однако эта конструкция хоть и близка к рассматриваемой, но все-таки до конца ей не тождественна). Таким образом, если у Соловьева в качестве X-а выступает ишак, то это сопряжено с ощутимым сдвигом в наших исходных представлениях о последнем, со своеобразной рекатегоризацией и, естественно, с хорошо ощутимой затрудненностью восприятия, которую можно считать детривиализирующим обстоятельством.

Далее, поскольку ишак раньше уже упоминался и поскольку называющее его здесь слово «который» выступает как подлежащее, обсуждаемый фрагмент входит с предтекстом в сильную референциальную связь. Что же касается дискурсивных отношений с предтекстом, то в данном отрывке на чуть иной лад продолжается восхваление ишака, которое было начато раньше, и, следовательно, отношения эти — детализационные.

3.1.12. ПРИМЕР 12

Изменение наших привычных представлений играет важную роль и в следующем примере из *Хазарского словаря*:

— Мы выжидаем, господин. Кроме того, мы, дьяволы, можем сделать свой шаг только после того, как его сделаете вы, люди. Каждый наш шаг должен ступать в ваш след. Мы всегда на шаг отстаем от вас, мы ужинаем только после вашего ужина — и так же, как и вы, не видим будущего. Итак, сначала вы, потом мы. Но я скажу тебе и то, что ты, господин, пока еще не сделал ни одного шага, который бы заставил нас преследовать тебя. Если ты это когда-нибудь сделаешь, ты или кто-нибудь из твоих потомков, мы вас настигнем в один из дней недели, имя которого не упоминается. Но пока все в порядке. *Потому что вы — ты и твой красноглазый курос — никак не сможете встретиться, даже если он и появится здесь, в Царьграде. Если он видит во сне вас так же, как вы видите его, если он во сне создает вашу явь так же, как и его явь создана вашим сном, то вы никогда не сможете посмотреть друг другу в глаза, потому что вы не можете одновременно бдеть* (М. Павич, перевод Л. Савельевой).

Выделенный курсивом фрагмент — несомненно один из ключевых для понимания этой во многом загадочной книги. Суще-

ственно то, что тут сон и явь не соотносятся друг с другом привычным образом, как нечто в целом менее важное и интересное для нас с чем-то более важным, нечто зависимое с чем-то определяющим и т.п., — но оказываются друг для друга полноценным взаимоотражением: обстоятельство весьма неожиданное и оттого способное выступать как сильный детривиализирующий фактор. Что касается референциальной подготовленности предтекстом, то и адресат данной речи, и красноглазый курос уже в нем упоминались. Дискурсивные же отношения между отмеченным отрывком и предыдущей фразой «Но пока все в порядке» могут трактоваться и как пояснительные (указывается причина, почему все в порядке), и — что для нас очень важно — детализационные (мысль, что все в порядке, просто развивается и уточняется).

3.1.13. ПРИМЕР 13

В следующем примере детривиализирующую роль также выполняет деформация наших привычных представлений о мире.

Даубманнус приводит такой рассказ о возникновении славянской азбуки. Язык варваров никак не хотел поддаваться укрощению. Как-то быстрой трехнедельной осенью братья сидели в келье и тщетно пытались написать письма, которые позже получат название кириллицы. Работа не клеилась. Из кельи была прекрасно видна середина октября, и в ней тишина длиной в час ходьбы и шириной в два. Тут Мефодий обратил внимание брата на четыре глиняных кувшина, которые стояли на окне их кельи, но не внутри, а снаружи, по ту сторону решетки.

— Если бы дверь была на засове, как бы ты добрался до этих кувшинов? — спросил он. *Константин разбил один кувшин, черепок за черепком перенес сквозь решетку в келью и собрал по кусочкам, склеив его собственной слюной и глиной с пола под своими ногами.*

То же самое они сделали и со славянским языком — разбили его на куски, перенесли их через решетку кириллицы в свои уста и склеили осколки собственной слюной и греческой глиной под своими ногами... (М. Павич, перевод Л. Савельевой).

Разбивание и склеивание суть «взаимоотраженные», симметричные действия, однако в выделенном фрагменте дополнительно подразумевается, что разбитый и склеенный кувшин полностью вернулся к своей первоначальной ипостаси, то есть, иными словами, развитие событий во времени тут целиком об-

ратимо, так сказать, зеркально — что, разумеется, резко противоречит нашим стереотипам и служит детривиализации данного взаимоподобия. Сверх этого, и референт «Константин», и референт «один кувшин» заимствованы из более раннего текста, а что касается дискурсивных отношений, то обсуждаемая фраза дает ответ на заданный Мефодием вопрос, то есть сообщает нечто новое о той же ситуации и потому служит для последнего хоть и особого характера, но — детализацией.

3.1.14. ПРИМЕР 14

Вот замечательная еврейская шутка¹⁹:

В хорошо организованную религиозную общину приходит новый раввин.

Каждую неделю в ходе Шаббат вспыхивает баталия. Когда подходит время читать Sh'ma Yisra'el «Слушай, Израиль! Господь Всемогущий наш, Господь Един», половина общины встает, а другая половина остается сидеть. Стоящая часть говорит: «Мы непременно встаем при Sh'ma Yisra'el, поскольку это символ веры иудаизма. В ходе истории тысячи евреев умирали со словами Sh'ma на устах». Та часть, которая осталась сидеть, говорит: «Нет. Согласно Шульхан Арух [сборник еврейских религиозных законов], если вы сидели, когда подошло время Sh'ma, то вы остаетесь сидеть». Стоящие люди закричали на сидящих: «Встаньте!», тогда как сидящие кричат стоящим: «Сядьте!». Это выходит за рамки всех приличий, принятых при проведении службы, и раввин просто сходит по этому поводу с ума.

Наконец раввин узнал, что в ближайшем доме для престарелых есть девяностовосьмилетний человек, который стоял у истоков образования религиозной общины. Итак, согласно традиции Талмуда, раввин назначает делегацию из трех человек, взяв одного представителя от сторонников стоять, другого — от сторонников сидеть и будучи сам третьим, отправляются к этому человеку. Они входят к нему в комнату, и человек от сторонников стоять при исполнении Sh'ma спешит к нему со словами:

— Ведь правда, что у нас традиционно вставали при Sh'ma?

— Нет, — слабым голосом отвечает старик. — Не было такой традиции.

Другой представитель подскочил от возбуждения:

— Традиция была сидеть при Sh'ma?

— Нет, — говорит старик. — Не было такой традиции.

Тут раввин, уже не в силах сдерживаться, разъяренно кричит:

— Меня не волнует, какова была традиция! Просто скажите им делать так или иначе. Вам известно, что происходит на службе каждую неделю?

¹⁹ Она найдена нами в книге: Раввин Иосиф Телушкин, *Еврейский юмор*, Феникс, Ростов-на-Дону; Неоглори, Краснодар 2009.

ВЗАИМООТРАЖЕННОСТЬ СМЫСЛОВ...

Люди, которые встали, кричат на тех, кто остался сидеть, а те, кто сидит, кричат на тех, кто встал...

— *Вот это-то и было традицией, — говорит старик.*

В последнем предложении этого текста оказывается, что два контрадикторных представления (о вставании в соответствующей ситуации и о не-вставании) могут быть объединены, как бы сплавлены вместе: таким образом, тут есть и их взаимоотраженность, и яркий детривиализирующий ее фактор. Есть, разумеется, и анафорическая связь с предтекстом, через подлежащее «это», а что касается дискурсивной связи, то фраза «Вот это-то и было традицией» сообщает нечто новое об описываемом непосредственно перед ней положении дел, когда часть людей встает, а часть сидит, то есть связь эта — детализационная и оттого предсказуемая.

3.1.15. ПРИМЕР 15

Несколько менее рафинированную версию того же приема можно увидеть в следующем знаменитом примере:

Мне стало противно, и я ушел. Вернее, остался (С. Довлатов).

Здесь снова два противоположных представления сведены вместе, как будто бы между ними и нет противоречия, и оттого их взаимоотраженность воспринимается как нечто нетривиальное; есть референциальная связь с более ранним текстом по линии подлежащего «я», и есть с более ранним текстом нарративное дискурсивное отношение, причем фраза «Мне стало противно» продолжает уже прежде начатую нарративную историю и создает знакомую нам «нарративную инерцию», благодаря чему отношение это оказывается хорошо предсказуемым.

3.1.16. ПРИМЕР 16

Теперь обратимся к случаю, когда описанный выше прием «объединения противоположностей» используется даже не просто изысканным, а почти уже тайнописным образом. Пример взят из *Коричных лавок* Бруно Шульца (перевод с польского Асара

Эшпеля; в обсуждаемом здесь отношении русский вариант не отклоняется от оригинала):

Сейчас окна, ослепленные сверканием пустой площади, спали; *балконы исповедовали небу свою пустоту*; отворенные парадные благоухали прохладой и вином (Б. Шульц).

В плане чисто денотативном, так сказать, грубо-фактическом речь в выделенном фрагменте идет о том, что балконы были пусты и что над ними находилось (скорее всего, было видно рассказчику) небо. Сама же конкретная природа той связи между балконами и небом, на которую указывает слово «исповедовали», не предопределена объективно и принадлежит к области авторских инвенций.

В таком случае возникает вопрос: почему автор, желая определить это взаимоотношение, выбрал именно данный, а не какой-то иной глагол? Почему варианты типа «балконы говорили небу о своей пустоте»; «балконы являли (открывали) небу свою пустоту»; «балконы признавались небу в своей пустоте»; «балконы жаловались (сетовали) небу на свою пустоту» все выглядят куда менее ярко и убедительно, нежели авторский?

Бросающийся в глаза контраст между использованным в тексте «исповедовали» и нашими гипотетическими альтернативами заключается в том, что если говорить что-то можно во всеуслышание, к всеобщему сведению; если признаваться в чем-то вполне можно сразу перед всеми (конечно, не всеми людьми вообще, но — всеми из определенного релевантного множества, множества значимых в данной ситуации лиц); если являть что-то также можно одновременно всем потенциальным наблюдателям и если можно сразу всем представителям релевантного множества на что-то жаловаться или сетовать — то, исповедуясь кому-то, мы практически всегда сохраняем содержание исповеди в тайне от других.

О связи между этим обстоятельством и удачностью авторского выбора свидетельствует то, что здесь интуитивно уместным мог бы быть еще один глагол — «поверять», ср. в художественном плане вполне убедительное «Сейчас окна, ослепленные сверканием пустой площади, спали; балконы поверяли небу свою пустоту; отворенные парадные благоухали прохладой и вином», — а глагол этот в нормальном случае точно так же подразумевает избирательность поверяющего, подразумевает, что

соответствующая информация сообщается одному лицу либо ограниченному кругу лиц, а кому-то из релевантного множества — не сообщается.

Чтобы объяснить эти факты, нужно принять во внимание следующее.

Всякое высказывание осмысливается нами на каком-то когнитивном фоне, то есть в соотношении с определенным иным представлением. Если высказывание утвердительное, то таким фоном становится в первую очередь соответствующее отрицание: скажем, интерпретируя фразу «Иван пришел», мы не имеем права не учитывать того, что именно ее говорящий выбрал из пары контрадикторных возможностей «Иван пришел»; «Иван не пришел»²⁰. И наоборот, когда высказывание отрицательное, роль фона выполняет в первую очередь соответствующее утверждение²¹.

Эти типы когнитивного фона, разумеется, являются для соответствующих высказываний обязательными, а значит, и полностью тривиальными: вообразить, будто мы что-то утверждаем либо отрицаем, не мысля себе принципиальную возможность обратного, просто невозможно.

С другой стороны, при особых дополнительных условиях обсуждаемый когнитивный фон может расширяться — и в таком случае становится уже нетривиальным.

Так, например, дело обстоит в предложениях типа «Ваня поцеловал Машу», если на имени объекта (здесь — Маша) сделано сильное ударение. При этом условии данная фраза значит 'Ваня поцеловал Машу и не поцеловал никого другого из релевантного множества'. Здесь ситуация, чье наличие утверждается, вступает в имплицитный контраст не только с отрицанием этой же ситуации ('Ваня не поцеловал Машу'), но и с представлением об иных подобных ей ситуациях ('Ваня поцеловал Олю', 'Ваня поцеловал Таню', 'Ваня поцеловал Катю' и т.д.), причем происходит это не в силу общих, неотменимых и в таком смысле

²⁰ См. об этом особенно: А. Bogusławski, *Problems of the Thematic-Rhematic Structure...*

²¹ О последнем случае см. очень известную статью: Т. Givón, *Negation in language: pragmatics, function, ontology* // Р. Cole, ред., *Pragmatics. Syntax and Semantics*. Vol. 9, Academic Press, New York, etc. 1978, с. 69–112. Каким в точности оказывается когнитивный фон для вопросов, разного рода повелений, опативов, экскламативов и других недекларативных высказываний, здесь обсуждать не обязательно.

тривиальных языковых законов, но благодаря (просодическим) особенностям данного отдельного высказывания, то есть — уже совершенно нетривиальным образом.

Можно думать, что при прочих равных условиях высказывание с нетривиальным когнитивным фоном будет информативнее высказывания, у которого такой фон отсутствует, и что в художественной речи высказывания первого типа будут восприниматься как особенно содержательные, а значит, в общем случае предпочтительные перед высказываниями, чей когнитивный фон полностью тривиален.

Вернемся теперь к нашему примеру из Шульца:

Сейчас окна, ослепленные сверканием пустой площади, спали; *балконы исповедовали небу свою пустоту*; отворенные парадные благоухали прохладой и вином.

Очевидно, если глагол «исповедовать» в своем прямом значении предполагает доверительность передаваемой информации (будучи сообщаемом кому-то — обычно священнику, — она в норме не сообщается другим людям), то и здесь, при метафорическом его использовании, подразумевается, что, находясь в некоторых — пускай даже и плохо поддающихся ясному определению — «взаимоотношениях» с небом, балконы не находились в таких «взаимоотношениях» с чем-то иным, — допустим, с землей, воздухом, горизонтом, людьми и проч.

Поэтому если бы автор использовал глагол «говорили», «признавались» и т.п., то в данном примере имелась бы тривиальная взаимоотраженность смыслов, предопределенная просто присутствием метафоры, и не менее (а точнее, еще более) тривиальная взаимоотраженность между соответствующим утверждением и отрицанием — выбором же глагола «исповедовали» создается взаимоотраженность, которая уже далеко не тривиальна. Разумно полагать, что такая ее нетривиальность, а также то, что референт «балконы» легко может быть «угадан» из предшествующего текста (хотя бы из упоминания об «окнах» и уж во всяком случае из появившегося немного раньше в тексте упоминания о «домах»), и то, что обсуждаемая фраза продолжает собой прежде начатое описание и потому находится с ним в детализационном дискурсивном отношении, — в своей совокупности эти обстоятельства и объясняют, почему воспринимается она как резко выделенная на

фоне своего ближайшего (и не только ближайшего) контекстного окружения.

3.1.17. ПРИМЕР 17

Наконец вышел венгр, хозяин музыкальной лавки. Глаза у него цвета сыворотки. Весь красный, как будто вот-вот яйцо снесет, *выпяченный подбородок похож на маленький живот с пупком посредине* (М. Павич, перевод Л. Савельевой).

Важно в выделенном фрагменте то, что подбородок и пупок не просто сходны друг с другом, но что они, оба будучи частями тела, в норме достаточно близко соседствуют и потому между ними, кроме подобия, имеется еще и метонимическая связь, которая дополнительно подчеркивает неслучайность последнего и выступает как детривиализирующий фактор.

Есть тут, разумеется, и прочная референциальная связь с предтекстом — через подлежащее «подбородок»: если речь ранее шла о человеке, то и наличие подбородка очевидно, — и, поскольку в интересующем нас месте продолжается прежде уже начатое описание персонажа, постольку есть с предтекстом дискурсивная связь детализационного типа.

3.2. ПРИМЕРЫ, ОТКЛОНЯЮЩИЕСЯ ОТ «КАНОНА»

Теперь займемся примерами, где интересующий нас «канон» нарушается. Напомним, что, согласно этому «канону», если дискурсивно привилегированный фрагмент художественного текста обнаруживает взаимоотраженность каких-то своих смыслов, то в прототипическом случае, во-первых, взаимоотраженность эта должна быть так или иначе детривиализирована, во-вторых, данный фрагмент должен находиться с предтекстом в прочной анафорической связи, в-третьих, должен быть прогнозируемым характер его дискурсивных отношений с предтекстом. Поскольку эти признаки прототипа очевидным образом логически друг от друга не зависят, постольку и отступления от него могут оказываться достаточно разнообразными (что, конечно же, не подразумевает равную распространенность отдельных вариантов).

Соответствующие примеры ниже будут рассмотрены.

3.2.1. ПРИМЕР 18

Три кухарки, не считая судомоек, готовили свадебный ужин, и *над ними царила восьмидесятилетняя Рейзл, традиционная, как свиток торы, крохотная и горбатая* (И. Бабель).

Коль скоро в выделенном фрагменте есть сравнение, то есть и взаимоотраженность определенных представлений: так же, как тора, Рейзл стара, необходима в определенных обстоятельствах; вероятно, кожа ее сморщенная и темная, как старый пергамент, и т.д. При этом, однако, тут не видно каких-либо детривиализирующих сходство обстоятельств, и в хорошем соответствии с этим находится слабость референциальной связи с предтекстом. Подлежащим «Рейзл» соответствующий референт здесь впервые вводится в текст, а анафорическая связь со сказанным прежде устанавливается через сирконстант «над ними», что, по уже объясненным ранее причинам, делает ее очень слабой. Что касается дискурсивной связи с предтекстом, то и она крайне слаба, поскольку никакой аспект в содержании интересующего нас отрывка предтекстом не детерминирован²².

Иными словами, если во многих приведенных ранее примерах у дискурсивно привилегированного фрагмента, где есть взаимоотражение смыслов, обнаруживались одновременно и особенности, последнее детривиализирующие, и прочная референтная связь с предтекстом, и относительно предсказуемая с ним дискурсивная связь, то в данном случае все эти свойства у обсуждаемого предложения одновременно отсутствуют — что, конечно, можно воспринимать как указание на их ковариативность.

3.2.2. ПРИМЕР 19

Сходного характера и следующий пример:

За стол садились не по старшинству. Глупая старость жалка не менее, чем трусливая юность. И не по богатству. *Подкладка тяжелого кошелька сшита из слез* (И. Бабель).

²² В теории дискурса устанавливаемое тут дискурсивное отношение обычно называют континуацией (см., например: Е. Jasinskaja, *Pragmatics and Prosody...*); здесь присоединение фразы к предшествующей фразе предельно свободно и на содержание добавляемого накладываются минимальные, а иногда и практически нулевые ограничения.

ВЗАИМООТРАЖЕННОСТЬ СМЫСЛОВ...

В последней фразе этого отрывка есть метафора, а значит, и несомненная взаимоуподобленность двух концептов. С другой стороны, не видно факторов, которые бы ее детривиализировали, нет анафорической связи с предшествующим текстом, а пояснительная дискурсивная связь с предтекстом никоим образом не может быть из него загодя «вычитана».

3.2.3. ПРИМЕР 20

— Попробуем его на Тартаковском, — решил совет, и все, *в ком еще квартировала совесть*, покраснели, услышав это решение. Почему они покраснели? Вы узнаете об этом, если пойдете туда, куда я вас поведу (И. Бабель).

Отмеченное курсивом придаточное предложение необычайно выразительно, необычайно хлестко, и тому есть свои причины, которые здесь не обязательно обсуждать. Для нас важно то, что хотя возникающая тут метафора предполагает взаимоуподобие двух представлений, оно в данном случае никак не детривиализируется — и вместе с тем у предложения нет ни сильной референциальной связи с предтекстом (анафоричен, — впрочем, в достаточно сложном и непривычном смысле — только сирконстант «в ком»), ни дискурсивной связи, которую можно было бы прогнозировать наперед.

3.2.4. ПРИМЕР 21

— Я вас понял, — сказал Мугинштейн и солгал, потому что совсем ему не было понятно, зачем «полтора жида», почтенный богач и первый человек, должен был ехать на трамвае закусывать с семьей биндюжника Менделя Крика.

А тем временем несчастье шлялось под окнами, как нищий на заре (И. Бабель).

Сравнение в последней фразе производит впечатление очень точного и неожиданного, однако тут нет ни детривиализирующих взаимоуподобие обстоятельств, ни прочной референциальной связи с более ранними фрагментами текста (она осуществляется только через сирконстант «под окнами»), ни предсказуемых дискурсивных отношений.

3.2.5. ПРИМЕР 22

Пожелтевшие листья. Десять лет вранья и притворства. И все же какие-то люди стоят за этим, какие-то разговоры, чувства, действительность... Не в самих листах, а там, на горизонте...

Трудна дорога от правды к истине (С. Довлатов).

Хотя со- и противопоставление правды и истины создает здесь несомненную взаимоотраженность смыслов, не видно детривиализирующих ее обстоятельств. Также нет референциальной связи с предтекстом, а дискурсивная связь с ним предельно расплывчатая и ни в коем случае не предсказуемая наперед.

3.2.6. ПРИМЕР 23

Следующий пример подобного рода найден в *Хазарском словаре*:

Ему [Ибн Акшани — Г.З.] приписывают два изречения: 1) смерть — это однофамилец сна, только фамилия эта нам неизвестна; 2) сон — это каждодневное умирание, маленькое упражнение в смерти, которая ему сестра, но не каждый брат в равной степени близок своей сестре. Однажды он решил на деле показать людям, как действует смерть, и проделал это, взяв для примера одного христианского военачальника, чье имя дошло до нашего времени: его звали Аврам Бранкович, и воевал он в Валахии, *где, как утверждал шайтан, каждый человек рождается поэтом, живет вором и умирает вампиром* (М. Павич, перевод Л. Савельевой).

Выделенный нами и несомненно очень заметный, афористический фрагмент имплицитно лишь два «зеркальных» по отношению друг к другу представления — представление о рождении и представление о смерти, — причем «взаимоотраженность» их вполне тривиальна, ибо предопределена семантикой соответствующих слов и нашими общекультурными стереотипами, а никаких детривиализирующих обстоятельств здесь скорее всего нет. В полной гармонии с этим, нет здесь сильной анафорической связи с предтекстом: она осуществляется только через сирконстантное по значению союзное слово «где». Кроме того, обсуждаемый фрагмент едва ли сообщает какие-либо дополнительные сведения о ситуации «[В]оевал он в Валахии» и потому прочитывается не как детализация, но как своеобразное произвольное, «континуативное» дополнение к сказанному ранее,

ВЗАИМООТРАЖЕННОСТЬ СМЫСЛОВ...

а значит, нет здесь с предтекстом и дискурсивных отношений, которые можно было бы хоть с долей вероятности предугадать наперед.

3.2.7. ПРИМЕР 24

За стол садились не по старшинству. Глупая старость жалка не менее, чем трусливая юность. И не по богатству. Подкладка тяжелого кошелька сшита из слез. *За столом на первом месте сидели жених с невестой. Это их день. На втором месте сидел Сендер Эйхбаум, тесть Короля. Это его право* (И. Бабель).

В выделенной несомненно афористической части отрывка есть параллелизмы и, следовательно, смысловые взаимоотражения, но не видно, чем бы они были специально детривиализованы. Что касается референциальной связи с предтекстом, то она слабая, ибо осуществляется не по линии подлежащих или дополнений, а через сирконстант «за столом». С другой стороны, интересующий нас фрагмент служит детализацией к более раннему «За стол садились не по старшинству», и оттого его дискурсивную связь с более ранним текстом надо считать прогнозируемой.

3.2.8. ПРИМЕР 25

Одним из прозрачных контрпримеров к нашему главному тезису является следующее место из знаменитой речи Бени Крика:

Господа и дамы! Что видел наш дорогой Иосиф в своей жизни? Он видел пару пустяков. Чем занимался он? Он пересчитывал чужие деньги. За что погиб он? Он погиб за весь трудящийся класс. Есть люди, уже обреченные смерти, и есть люди, еще не начавшие жить. И вот пуля, летевшая в обреченную грудь, пробивает Иосифа, не видевшего в своей жизни ничего, кроме пары пустяков. *Есть люди, умеющие пить водку, и есть люди, не умеющие пить водку, но все же пьющие ее* (И. Бабель).

В выделенной фразе, вопреки обыденной логике, две противоположности становятся равноценны по своим последствиям, и этим взаимоотраженность соответствующих представлений детривиализируется. С другой стороны, однако, данная фраза

(как, впрочем, и многие другие в довольно бессвязной Бениной речи) никак не подготовлена предтекстом, среди прочего, не вступает с ним ни в референциальную связь, ни в сколько-нибудь внятную связь дискурсивную.

3.2.9. ПРИМЕР 26

Еще один контрпример:

Хозяйка придвинула стул Фроиму, и он погрузился в безмерное ожидание. Он ждал терпеливо, как мужик в канцелярии. За стеной стонала Катюша и заливалась смехом. Старик продремал два часа и, может быть, больше. Вечер давно уже стал ночью, небо почернело, и млечные его пути исполнились золота, блеска и прохлады. Любкин погреб был закрыт уже, *пьяницы валялись во дворе, как сломанная мебель* (И. Бабель).

В отмеченном сравнении не просто создается взаимоподобие представлений, но, как бывало раньше, оно еще и детривиализировано тем, что слово *валялись* употребляется сразу в двух отчетливо различных смыслах, один из которых в норме возникает при одушевленном субъекте, а второй — когда субъект неодушевленный (ср. зевгму в «^{??}В комнате валялись двое пьяных и мебель»). Тем не менее, ни референциальной связи с предтекстом, ни заранее угадываемых дискурсивных отношений с ним тут нет.

3.2.10. ПРИМЕР 27

Вот еще один, несколько иной по характеру контрпример к нашей гипотезе:

«Он заплатил тебе полностью, и вы в расчете, — ответил наш Ходжа Насреддин. — *Он нюхал, как пахнет твой шашлык, а ты слышал, как звенят его деньги*» (Л. Соловьев).

Отмеченное курсивом знаменитое высказывание построено на параллелизме-контрасте, но едва ли он здесь подвергается какой-либо детривиализации. С другой стороны, в роли подлежащих тут выступают уже известные из предтекста референты, а вместе с тем фраза «Он заплатил тебе полностью, и вы в расчете»

те» столь парадоксальна и столь настоятельно требует дальнейшего пояснения, что соответствующая дискурсивная функция нашего фрагмента также предсказуема наперед.

3.2.11. ПРИМЕР 28 (ОЧЕНЬ СВОЕОБРАЗНЫЙ)

Кажется, как свидетельство свойственного Бабелю редкостного вкуса и художественного такта можно рассматривать следующий отрывок:

Во время налета, в ту грозную ночь, когда мычали подкальываемые коровы и телки скользили в материнской крови, когда факелы плясали, как черные девы, и бабы-молочницы шарахались и визжали под дулами дружелюбных браунингов, — в ту грозную ночь во двор выбежала в вырезной рубашке дочь старика Эйхбаума — Циля. *И победа Короля стала его поражением* (И. Бабель).

Финал отрывка построен на сближении, почти даже отождествлении двух противоположных представлений, референциально он связан с предтекстом сильной анафорической связью (о победе Короля уже известно из сказанного ранее, а здесь она упоминается в подлежащем), в плане же дискурсивных отношений он является продолжением начатой ранее наррации и потому отношения эти обнаруживают несомненную предсказуемость. Сверх того, подчеркнутая фраза завершает собой абзац и завершает собой целый относительно самостоятельный фрагмент повествования, а оттого воспринимается как бесспорно обладающая достаточно высоким дискурсивным рангом. И несмотря на это, в ней не видно каких-то особенностей, которые бы специально детривиализировали смысловую «взаимоотраженность» упомянутых тут «победы» и «поражения».

Можно думать, что последнее далеко не случайно. Если, как в целом показывает наш материал и как мы уже говорили выше, для дискурсивно привилегированных фрагментов текста, где присутствует взаимоуподобление определенных понятий, обычно характерен целый комплекс особенностей, включающий прочную референциальную связь с предтекстом, заранее прогнозируемую (до некоторой степени) с ним дискурсивную связь и осуществляемую особыми приемами детривиализацию смысловых подобий, то отсутствие детривиализации должно

несколько умалять дискурсивную заметность соответствующего отрывка. С другой стороны, мотив Пирровой победы, победы, становящейся поражением, столь хорошо знаком мировой литературе и соответствующее место в рассказе *Король* столь ощутимо уступает по оригинальности, по «разительности» и немедленной узнаваемости огромному числу иных, неподражаемо бабелевских пассажей, что автор скорее всего нарочно приглушил его тон.

Если это так, то особым, очень косвенным, зато и очень выразительным образом данный пример тоже свидетельствует в пользу нашей главной гипотезы, согласно которой когда дискурсивно привилегированным становится фрагмент, содержащий «взаимоотраженные» смыслы, его высокий ранг в прототипическом случае обеспечивается всем названным выше комплексом дополнительных обстоятельств.

4. СТАТИСТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Нами были проанализированы 60 фрагментов, извлеченных, как выше уже говорилось, преимущественно из произведений Бабея, Соловьева, Довлатова и Павича и воспринимаемых как особенно яркие, дискурсивно привилегированные.

Оказалось, что в сорока семи из этих фрагментов присутствует хорошо заметное, сразу опознаваемое взаимоподобие некоторых смыслов.

Нашей целью было проверить, связана ли дискурсивная привилегированность с названным взаимоподобием как таковым или же ее обеспечивают самоподобие смыслов вместе с другими, дополнительными факторами. Наблюдения над материалом показали, что такие факторы действительно существуют.

Во-первых, это детривиализация самоподобия с помощью тех или иных достаточно разнообразных средств. Вообще говоря, взаимоподобие смыслов в художественном тексте встречается настолько часто (достаточно вспомнить о метафорах, сравнениях, параллелизмах или антитезах), что должно восприниматься скорее как нечто почти саморазумеющееся, а не исключительное. Дело, однако, меняется, если за сведение вместе соответствующих концептов платится откровенно неординарная когнитивная цена (скажем, ради этого автор мирится с амфиболией),

или если появляются дополнительные обстоятельства, подчеркивающие неслучайность названного соседства (ср. выше пример 17), или если два представления вообще-то контрадикторны, а в данном контексте как будто бы непреодолимая дистанция между ними все-таки тем или иным образом сокращается (ср. примеры 14–16).

Во-вторых, у дискурсивно выделенных фрагментов, где обнаружено детривиализованное взаимоподобие каких-то представлений, как правило имелась также прочная (по линии подлежащего либо дополнения, но не сирконстанта) референциальная связь с предтекстом.

Наконец, в-третьих, и дискурсивные отношения с предтекстом у таких фрагментов чаще были заранее предсказуемыми (в том смысле, который объяснен выше, в п. 2).

Примеры разделились на пять типов: одни давали нашей гипотезе о преимущественно совместном действии названных факторов предельно наглядное подтверждение, другие подтверждали ее косвенно, третьи прямо ей противоречили, четвертые противоречили опосредованно, а пятые оказались нейтральными, не предоставляя ясных свидетельств в ее пользу, но и не служа к ее опровержению.

Тип 1. Сюда относятся примеры, где имеются взаимоподобные представления, взаимоподобие детривиализировано дополнительными обстоятельствами, есть прочная референциальная связь с предтекстом и есть с ним прогнозируемая дискурсивная связь.

Таких примеров обнаружено 26, то есть они составили более половины (55%) всего нашего материала. Значительная их часть анализировалась выше в п. 3.1.

Тип 2. Примеры, где имеются взаимоподобные представления, однако взаимоподобие не детривиализировано, а вместе с тем нет ни прочной референциальной связи с предтекстом, ни прогнозируемой дискурсивной связи.

Соответствующие примеры, разумеется, тоже служат косвенным, «отрицательным» свидетельством в пользу корреляции «детривиализованное взаимоподобие — прочная референциальная связь с предтекстом — прогнозируемая дискурсивная связь с предтекстом»; см. выше примеры 18–23.

Таких случаев найдено 12.

С долей условности к этому типу мы отнесли и рассмотренный выше пример 28, который хотя и более сложным, весьма

опосредованным образом, но тоже подтверждает эту корреляцию.

Тип 3. Примеры, где имеются взаимоподобные представления, взаимоподобие детривиализировано дополнительными обстоятельствами, но с предтекстом нет ни прочной референциальной связи, ни прогнозируемых дискурсивных отношений.

Разумеется, этот материал прямо свидетельствует против нашей главной гипотезы, однако таких случаев выявлено всего лишь 2 (см. выше примеры 25–26).

Тип 4. Примеры, где имеются взаимоподобные представления, при этом взаимоподобие не детривиализировано дополнительными обстоятельствами, однако с предтекстом все же есть и прочная референциальная связь, и прогнозируемые дискурсивные отношения.

Ясно, что в определенном смысле такое положение дел идет вразрез с нашей гипотезой. Впрочем, соответствующих фрагментов найдено только 3 (ср. выше пример 27).

Тип 5. Примеры, которые обладают двойственным характером и потому были признаны безразличными для верификации нашей гипотезы. Здесь обнаружилось два варианта. В одном случае имелось нетривиальное взаимоподобие, имелась прочная референтная связь с предтекстом, но не было предсказуемой связи дискурсивной. Таким образом, соответствующий фрагмент отчасти подтверждает главную гипотезу (а именно, в том, что касается корреляции между нетривиальным взаимоподобием смыслов и наличием сильной референциальной связи с каким-то более ранним фрагментом), а отчасти гипотезе этой противоречит (в том, что касается предполагаемой совместности между нетривиальным взаимоподобием и загодя прогнозируемым дискурсивным отношением к уже сказанному прежде). В другом случае взаимоподобие было тривиальным, имелась прогнозируемая дискурсивная связь с предтекстом (что косвенно противоречит нашей гипотезе), но не обнаружилось с ним прочной референциальной связи (что, наоборот, хоть и косвенно, но могло бы служить нашей гипотезе подтверждением).

Этот «безразличный» тип в нашем материале представлен только трижды. Одной из иллюстраций может служить приведенный выше пример 24.

* * *

Таким образом, наша основная гипотеза получила прямое подтверждение со стороны 26 примеров и косвенное со стороны 13; противоречили ей прямо 2 примера, косвенно 3. Это значит, что между обсуждаемыми свойствами дискурсивно выделенных фрагментов действительно имеется отчетливая ковариативность: как правило, если фрагмент дискурсивно привилегирован и в нем есть детривиализированное взаимоподобие смыслов, то у него есть с предтекстом и прочная референциальная, и прогнозируемая дискурсивная связь. И наоборот, когда в дискурсивно привилегированном фрагменте имеются взаимоподобные смыслы, но нет детривиализирующих факторов, то чаще ни прочной референциальной, ни прогнозируемой дискурсивной связи с предтекстом у него не окажется.

Существенно также, что во всех названных планах дискурсивно выделенные и имплицитующие взаимоподобие фрагменты исследованных текстов обнаруживают существенное преимущество перед фрагментами, дискурсивно не выделенными или/и не имплицитующими взаимоподобия.

Рассмотрев по 100 таких фрагментов из *Одесских рассказов* Исаака Бабеля, *Повести о Ходже Насреддине* Соловьева, *Компромисса* Довлатова и *Хазарского словаря* Павича (то есть в общей сложности 400 фрагментов), мы детривиализированных смысловых взаимоподобий не обнаружили вовсе — тогда как в рассмотренном выше материале их, напомним, 29 на 47 примеров. Прочную в интересующем нас смысле референциальную скрепленность с предтекстом мы нашли в 277 фрагментах, то есть в 70% случаев, а наши дискурсивно выделенные примеры с детривиализированным взаимоподобием представлений такую связь обнаружили в 26 случаях из 29, то есть доля их составила уже почти 90%. Предсказуемая дискурсивная связь с более ранним текстом у названных «обычных» фрагментов встретилась 206 раз (51%), а у наших дискурсивно выделенных с детривиализированным взаимоподобием — 27 раз (93%).

Из всего изложенного видно, что наличие в соответствующем фрагменте смысловых взаимоподобий, наличие в нем детривиализирующих последние факторов, прочная референциальная и предсказуемая дискурсивная связь с предтек-

стом — все эти его особенности как правило ковариативны и служат в своей совокупности надежным средством дискурсивного выделения.

Перед нами, разумеется, совершенно особое средство внутренне иерархизировать дискурс, не ученное, насколько нам известно, в литературе и в значительной степени автономное от многих иных хорошо изученных средств. Если, например, в повествовательном тексте перфективность глагола, его теличность или моментальность, его переходность, референциальная определенность актантов, утвердительность предложения, реальная модальность и др. становится типичным признаком первого плана, главной событийной линии²³, то описанный выше комплекс используется и для того, чтобы подчеркнуть нечто особенно важное на первом плане повествования, и для того, чтобы придать больший дискурсивный вес фрагментам второго плана — тем, где, скажем, описывается состояние героя, даются мотивировки, оценки и обобщения, делаются экскурсы в прошлое или будущее и т.д.

Здесь получает свое дополнительное подтверждение и мысль, что один и тот же дискурс способен «расслаиваться» не на два, а на множество планов²⁴, и мысль, что структура дискурса формируется взаимодействием целого множества разнотипных иерархий, связи между которыми зачастую неясны, далеки от дружелюбности и, конечно, должны стать предметом дальнейших исследований.

Впрочем, если ограничиться только этими выводами, существо описанного выше явления еще не будет понято.

Надо осознавать, что само создание и восприятие смысловых взаимоотражений предполагает в общем случае немалые когнитивные затраты, которые еще значительно возрастают, когда взаимоотражение детривиализируется: вспомним хотя бы о том, сколь часто этой цели служит амфиболия, то есть использование слова сразу как бы в двух разных значениях, или совмещение двух представлений, которые попросту противоречивы, абстрактно говоря, друг друга должны категорически исключать.

²³ См.: P. Hopper, S. Thompson, *Transitivity in grammar and discourse*, «Language» 1980 №2, с. 251–299; P. Hopper, S. Thompson, ред., *Studies in Transitivity...*

²⁴ См. особенно: S. Fleischman, *Tense and Narrativity...*

С другой стороны, как хорошо известно, и создание, и восприятие высказывания в общем случае тем менее «затратны», чем прочнее его связи с предтекстом, или, иначе говоря, чем основательнее оно предтекстом подготовлено в различных своих аспектах. В качестве одной из самых красноречивых иллюстраций можно вспомнить косвенные речевые акты. Психо- и просто лингвистами показано, что, вопреки поверхностному впечатлению, весьма часто косвенная просьба, косвенный приказ и т.п. (в том числе — косвенная просьба и проч., имеющие неконвенциональную форму и даже осложненные иронией или сарказмом, как, например, фраза «В комнате жарко», сказанная для того, чтобы адресат обратил внимание на холод в комнате и закрыл окно) требуют от интерпретатора отнюдь не больше, а меньше усилий, чем соответствующий прямой акт, притом обуславливается это большей контекстной «укорененностью» сообщаемого: скажем, если прямая просьба, прямое распоряжение и т.п. просто указывают на действие, которое ожидается от адресата, то косвенная их разновидность сосредоточивается уже на дополнительных сопутствующих этому действию обстоятельствах, чаще всего на потенциальных препятствиях к нему (ср. «Могли бы вы подать мне соль?»; «Есть ли у вас время сделать сверхурочную работу?» и т.п.), таким образом более эксплицитно помещая действие в соответствующий контекст²⁵.

Таким образом, в интересующих нас примерах имеются две противоположные тенденции: к усложнению и одновременному упрощению, так сказать, фамилиаризации передаваемых смыслов, — а значит, и здесь тоже действует принцип взаимоотражения, только, будучи связан теперь не со значением отдельных предложений, а с общей «архитектурой» дискурса, проявляет он себя на особом уровне, куда более высоком и труднозаметном, нежели взаимоотраженность конкретных создаваемых в тексте представлений.

Если же взаимоотраженности конкретных понятий сопутствует и названная абстрактная взаимоотраженность, то эти модулы взаимоотражения, в свою очередь, тоже в определенном смысле оказываются друг другу подобны, друг по отношению

²⁵ См.: N. Ruytenbeek, *The comprehension of indirect requests: Previous work and future directions* // I. Depraetere, R. Salkie (ред.), *Semantics and Pragmatics: Drawing a Line*, Springer 2017, с. 293–322. Там же — дальнейшая литература.

к другу «зеркальны», а этим должно порождаться взаимосходство еще более отвлеченного порядка.

Трудно не вспомнить любимую Эрикой Гарсией мысль, что язык — и особенно в своих высших, артистических проявлениях — живет нетривиальной самоповторностью и подобен змее, кусающей собственный хвост²⁶. Говоря же несколько более приземленно, из наших рассуждений следует, что в маркировке дискурсивной выдвинутой роли взаимоподобия даже не только количественно больше, но и качественно разнообразнее, чем это видно при первом знакомстве с представленным выше материалом.

Наконец, можно сделать еще одно предположение. Вообще говоря, внутренняя согласованность между принадлежащими разным уровням смысло- и структурообразующими особенностями текста в наибольшей степени характерна для поэзии²⁷. Поэтому не исключено, что рассмотренное, так сказать, «многоярусное», «многоипостасное» самоподобие смыслов должно восприниматься как вторжение в прозу поэтической речи. Поскольку же в поэзии — если не всегда, то в принципе — каждое слово обладает или стремится обладать куда большим коммуникативным весом, нежели слово прозаическое, постольку в проанализированных выше примерах и само это обстоятельство тоже, вероятно, служит как дополнительный, еще более высокий уровень, маркер дискурсивной выделенности.

В таком случае рассмотренный механизм выделения существенно отличается от механизмов, обеспечивающих распознавание в повествовательном тексте главной нарративной линии. Если последняя маркируется более или менее равноправными, взаимно не иерархизированными и вместе с тем достаточно разнородными средствами (это, напомним, перфективность глагола; его теличность или моментальность; его переходность; референциальная определенность подлежащего и дополнения; утвердительность предложения; реальная модальность и др.), то здесь, наоборот, одна и та же стратегия реализуется сразу на многих уровнях, начиная от конкретного, «вещественного» содержания соответствующих фрагментов и заканчивая уровнем жанрообразующих принципов.

²⁶ См.: E. García, *Lingüística cartesiana o el método del discurso*, «Lenguaje en context» 1988, №1, с. 5–36.

²⁷ См., в частности: Г. М. Зельдович, *О дискурсивных отношениях в лирической поэзии*, «Wiener Slawistischer Almanach» 2016, Sonderband 89.

Отсюда видно, что наряду с превосходно изученным «пло-скоориентированным» дискурсивным выделением существует и выделение, фигурально выражаясь, ориентированное иерархически, которое также заслуживает пристального интереса, но пока что, кажется, его не привлекло.

REFERENCES

- Asher, Nicholas, Lascarides, Alex. *Logics of Conversation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Bogusławski, Andrzej. *Problems of the Thematic-Rhematic Structure of Sentences*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977.
- Fleischman, Suzanne. *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*. Austin: University of Texas Press, 1990.
- García, Erica. "Linguística cartesiana o el método del discurso." *Lenguaje en context* 1988 no. 1.
- Givón, Talmy. "Negation in language: pragmatics, function, ontology." Ed. Peter Cole. *Pragmatics. Syntax and Semantics. Vol. 9*. New York, etc.: Academic Press, 1978.
- Givón, Talmy. "From discourse to syntax: Grammar as a processing strategy." Ed. Talmy Givón. *Discourse and Syntax. Syntax and Semantics. Vol. 12*. New York, etc.: Academic Press, 1979.
- Hopper, Paul, Thompson, Sandra. "Transitivity in grammar and discourse." *Language* 1980 no. 2.
- Hopper, Paul, Thompson, Sandra, eds. *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics. Vol. 15*. New York, etc.: Academic Press, 1982.
- Jasinskaja, Ekaterina. *Pragmatics and Prosody of Implicit Discourse Relations*. Dissertation. Tübingen: University of Tübingen, 2009.
- Leech, Geoffrey. *A Linguistic Guide to English Poetry*. London: Longmans, 1969.
- Manin, Dmitrii. "The right word in the left place." *Scientific Study of Literature* 2012 no. 2.
- Nofal, Khalil. "Syntactic aspects of poetry: A pragmatic perspective." *International Journal of Business and Social Science* 2011 no. 16.
- Prince, Ellen. "Toward a taxonomy of given-new information". Ed. Peter Cole. *Radical Pragmatics*. New York: Academic Press, 1981.
- Ruytenbeek, Nicolas. "The comprehension of indirect requests: Previous work and future directions." Eds. Ilse Depraetere, Raphael Salkie. *Semantics and Pragmatics: Drawing a Line*. Springer, 2017.
- Shen, Yeshayahu. "Foregrounding in poetic discourse: between deviation and cognitive constraints." *Language and Literature* 2007 no. 2.
- Sil'man, Tamara. *Zametki o lirike*. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1977 [Сильман, Тамара. *Заметки о лирике*. Ленинград: Советский писатель, 1977].
- Telushkin, Iosif, Ravvin. *Evreyskiy yumor*. Rostov-na-Donu: Feniks; Krasnodar: Neoglori, 2009 [Телушкин, Иосиф, Раввин. *Еврейский юмор*, Феникс, Ростов-на-Дону; Неоглори, Краснодар, 2009].
- Zel'dovich, Gennadiy. "O prirode protovidovoy oppozicii v drevnerusskom yazyke." *Wiener Slawistischer Almanach* 2015 Band 75 [Зельдович, Геннадий. "О при-

- роде протовидовой оппозиции в древнерусском языке.” *Wiener Slawistischer Almanach* 2015 Band 75].
- Zel'dovich, Gennadiy. “Ob odnom sposobe markirovat' diskursivnyuyu perspektivu v liricheskoj poezii. Kompoziciya i referencial'nyye svyazi, ili V chem nepravu P. Khopper i S. Tompson.” *Linguistica Copernicana* 2015 no. 12 [Зельдович, Геннадий. “Об одном способе маркировать дискурсивную перспективу в лирической поэзии. Композиция и референциальные связи, или В чем неправы П. Хоппер и С. Томпсон.” *Linguistica Copernicana* 2015 no. 12].
- Zel'dovich, Gennadiy. “Zolotoye secheniye' i kompoziciya liricheskogo teksta.” *Wiener Slawistischer Almanach* 2016 Band 78 [Зельдович, Геннадий. “Золотое сечение' и композиция лирического текста.” *Wiener Slawistischer Almanach* 2016 Band 78].
- Zel'dovich, Gennadiy. *O diskursivnykh otnosheniyakh v liricheskoj poezii*. Wiener Slawistischer Almanach 2016 Sonderband 89 [Зельдович, Геннадий. *O diskursivnykh otnosheniyakh v liricheskoj poezii*. Wiener Slawistischer Almanach 2016 Sonderband 89].
- Zel'dovich, Gennadiy. “Kompozitsiya liricheskogo stikhotvoreniya i 'tesnota' stikhovogo ryada: Tipologicheskoye bogatstvo informatsii kak marker pervogo diskursivnogo plana v liricheskom tekste.” *Lyudmila Savchenko. Dusha vosplamennaya*. Khar'kov: Khar'kovskiy universitet, 2018 [Зельдович, Геннадий. “Композиция лирического стихотворения и 'теснота' стихового ряда: Типологическое богатство информации как маркер первого дискурсивного плана в лирическом тексте.” *Людмила Савченко. Душа воспламененная*. Харьков: Харьковский университет, 2018].
- Zel'dovich, Gennadiy. “Celostnost' avtorskogo soznaniya kak priznak glavnogo diskursivnogo plana v liricheskom stikhotvorenii.” *Linguistica Copernicana* 2018 no. 15 [Зельдович, Геннадий. “Целостность авторского сознания как признак главного дискурсивного плана в лирическом стихотворении.” *Linguistica Copernicana* 2018 no. 15].
- Zeldowicz, Gennadij. “Extraverted consciousness, introverted consciousness, and composition of lyrical discourse.” *Linguistica Copernicana* 2016 no. 13.

Gennadij Zeldowicz

WZAJEMNE ODZWIERCIEDLENIE SENSÓW I DYSKURSYWNA PERSPEKTYWA W TEKSTACH ARTYSTYCZNYCH

Streszczenie

Artykuł jest poświęcony niezbadanemu dotychczas mechanizmowi służącemu do wewnętrznej hierarchizacji dyskursu artystycznego. Wykazano, że fragmenty tekstów artystycznych postrzegane przez odbiorcę jako wyróżnione, aforystyczne i/lub kluczowe dla zrozumienia zawartego w utworze przekazu bardzo często posiadają jednocześnie następujące właściwości: (1) między pewnymi treściami zawartymi w odpowiednim fragmencie zachodzi relacja wzajemnego podobieństwa; (2) relacja ta ulega detrywializacji; (3) dany fragment wchodzi w mocny związek anaforyczny z poprzedzającym go fragmentem (poprzedzającymi fragmentami); (4) jego relacja dyskursywna z poprzednimi fragmentami jest w pewnym sensie przewidywalna.

ВЗАИМООТРАЖЕННОСТЬ СМЫСЛОВ...

Demonstruje się również, iż omawiany mechanizm „lustrzanego odbicia” działa jednocześnie na wielu poziomach struktury znaczeniowej i z tej racji jest o wiele bardziej wyrafinowany niż dobrze znane naukowcom środki dyskursywnego wyróżnienia.

Gennadij Zeldowicz

MIRROR SIMILARITY OF SENSES AND DISCOURSE PERSPECTIVE IN ARTISTIC TEXT

Summary

The paper is focused on an as yet unstudied strategy of internal hierarchization of artistic discourse. The author claims that those fragments of the latter perceived by reader as distinguished, aphoristic and/or especially significant, more often than not display simultaneously the following features: (1) certain ideas conveyed by the relevant fragment may be considered as a mirror image of each other; (2) the similarity between them undergoes some detrialization; (3) there is a strong anaphoric link between the relevant fragment and some of the previous ones; (4) its discourse relation with the foregoing portion of the text is highly predictable. Further, it is argued that this ‘mirror image machinery’ has many dimensions, some of which are readily detectable, while some not, and, as a consequence, it proves to be much more sophisticated than the best studied devices employed for grounding in discourse.